

Феликс плюхнулся на обломки крушения повозки и обследовал лезвие своего меча. Ему пришлось немало поработать в этом бою, но каким-то образом на мече не осталось зазубрин. Кромка была столь же остра, как всегда, даже после всех рубящих и колющих ударов, что он нанёс. Древнее волшебство на оружии явно держалось хорошо.

Где-то справа от него обвалилась стена выгоревшего ангара, не способная более выдерживать свой вес. Над головой со зловещей грацией чудовищного насекомого пролетел гирокоптер и на какое-то время остановился, зависнув над ярко горящим зданием. Его вращающийся нос наклонился вниз и с шипением разозлённой змеи выбросил струю пара. Феликс недоумевал, что же пилот ожидал этим достичь.

Пар соприкоснулся с огнём, и колышущееся пламя изменило цвет, становясь бледно жёлтым с оттенком голубого. Пока струя продолжала распыляться, огонь медленно угасал, затухая под действием испарений и конденсата, словно под небольшим ливнем. На глазах Феликса гирокоптер развернулся на месте и переместился в сторону ближайшего пожара.

Феликс внезапно ощутил невероятную усталость, битва отняла у него все силы. Он был избит и изранен, кровоточили множественные мелкие порезы и царапины, которых он не заметил в пылу сражения. Ужасно болело правое плечо — как раз этой рукой он держал меч. Феликс был почти уверен, что плечо вывихнуто от продолжительного размахивания клинком. Подобный обман чувств был знаком ему, пережившему множество других боёв. Феликсу хотелось лечь навзничь и проспать лет сто.

Посмотрев вокруг, он был удивлён, откуда только у гномов взялись силы. Они уже начали расчищать обломки на поле битвы. Тела павших гномов собирали для погребения в священной земле. Одновременно, трупы скавенов стаскивали в огромную кучу для сожжения. Из крепости спустились полностью закованные в доспехи часовые и встали на страже, на случай возвращения скавенов.

Феликс сомневался, что скавены этой ночью вернутся. По его опыту, скавенам требовалось больше времени на восстановление и переформирование, чем армии людей. Похоже, им не нравится столь быстро возвращаться на место своего разгрома, и он был этому чрезвычайно рад. Феликс сомневался, что в этот момент способен пошевелить мышцами, даже если крысоогр восстанет из мёртвых и придёт за ним. Он выбросил эту зловещую мысль из головы и переключился на более весёлые темы.

Первое — он всё ещё жив. Феликс снова обрёл веру в то, что может остаться в живых. Несколько ранее, по ходу сражения, когда страх угрожал восторжествовать над здравым смыслом, у него возникало ужасающее ощущение, что он определённо погибнет. Эта уверенность в собственной гибели преследовала его, подобно проклятию. Теперь Феликса изумляло, что он всё ещё тут, сердце по-прежнему бьётся, дыхание по-прежнему вырывается из лёгких. Вокруг себя он видел избыток доказательств тому, что легко могло сложиться и не так.

Смертельно уставшие и недовольные, гномы волочили по расчищенному проходу лежащие повсюду окровавленные трупы, словно мешки. Незрячие глаза мертвецов уставились в небеса. Несмотря на свои прежние фантазии, Феликс понимал, что больше мертвецам не подняться. Им больше не доведётся ни смеяться, ни плакать, ни петь, ни пить, ни дышать. Эта мысль наполнила его глубоким унынием. В то же самое время Феликс понимал, что сам он, несомненно, жив по-прежнему, все те действия ему доступны, и по этой причине следует радоваться. «Жизнь слишком хрупка и коротка, — сказал он себе, — так что наслаждайся, пока можешь».

Он начал негромко смеяться от наполнявшего его спокойного восторга, в котором ощущалась странная примесь печали. Через минуту он страдальчески поковылял в ночь, на поиски Готрека, Снорри или какого-нибудь знакомого среди этого огромного беспорядка.

Танкуоль не мог в это поверить. Как могло всё столь быстро измениться к худшему? В какой-то момент победа была уже у него в руках. Его проницательность, казалось бы, обеспечила убедительный успех. А затем победа ускользнула столь же быстро, как раб скавенов, бегущий из сражения. Это было болезненное, сбивающее с толку ощущение. Серому провидцу потребовались долгие и горькие минуты размышлений, чтобы убедиться в том, что даже наиболее выдающиеся из замыслов могут провалиться из-за некомпетентности исполнителей. Не его вина, что ленивые, трусливые и тупые подчинённые снова подвели его.

Обретя уверенность от этого замечательного озарения, серый провидец просчитал свои альтернативные варианты. По счастью, у него был резервный план, разработанный на случай маловероятных случайностей, вроде этой. Ларк уцелел и по-прежнему доступен через свой переговорный кристалл. Если повезёт, он сможет остаться там, готовый доложить о секретах, которые пытаются скрыть бессовестные гномы.

Танкуоль снова посмотрел в кристалл обзора и послал мысленный запрос выхода на связь.

Феликс почувствовал, что его дёргают за рукав. Опустив глаза, он увидел Варека. Голубое одеяние молодого гнома было испачкано грязью и кровью. Рукав его мантии был оторван по шву, обнажив изорванный в клочья рукав белой льняной рубахи. Его очки были сломаны, линзы покрывала беспорядочная паутина трещин. Одной рукой он сжимал небольшой боевой молот. Другой плотно прижимал к груди свою книгу в кожаном переплёте. Феликс удивился, насколько большими оказались руки Варека, а костяшки пальцев казались белыми. В глазах у гнома был безумный лихорадочный блеск.

— Феликс, это самое потрясающее событие в моей жизни, — произнёс Варек. — Я в жизни не видел ничего столь же волнующего. А ты?

— Я бы с удовольствием прожил без волнений подобного рода, — кисло сказал Феликс.

— Ты так не считаешь. Я видел, как ты сражался. Это было всё равно, что наблюдать за героем времён Сигмара. Я никогда не думал, что люди могут так славно сражаться!

Варек покраснел, сообразив, что он только что произнёс. Это в духе гномов — прямолинейно высказываться о том, что они думают о посредственных способностях младших рас.

Феликс негромко рассмеялся.

— Я лишь пытался остаться в живых. И я ненавижу скавенов, — добавил он, подумав.

Феликс был немного смущён подобными размышлениями. Он не считал себя особо вспыльчивым и мстительным человеком, но от скавенов его бросало в дрожь. Его несколько шокировала идея, что убивая их, он получает удовольствие, однако сейчас, проанализировав свои чувства, он был склонен признать, что это правда.

— Все ненавидят скавенов, — согласился Варек. — Весьма вероятно, даже сами скавены.

Ларк Стукач скрытно продвигался через выгоревшие руины. Наполнявший его сердце страх боролся с ненавистью к Танкуолю. Его мускусные железы были напряжены, и он подавлял порыв выпрыснуть мускус страха, так как это могло выдать его присутствие гномам.

Сейчас, вне меховой толпы своих собратьев и их успокаивающего запаха, он чувствовал себя ужасно одиноким и незащищённым. Ему хотелось быстро скрыться в ночи и поискать других выживших в битве. Эта мысль невыносимо манила его.

Однако главенствующее место в его мыслях занимал страх послушаться серого провидца. Остаться тут, вероятнее всего, было губительно, но отказ подчиниться одному из избранных Рогатой Крысы означал неизбежную мучительную смерть. Ларк хорошо понимал, что существуют куда худшие вещи, чем быстрый удар гномьего топора. И он не желал ни того, ни другого.

— Поверни направо, — произнёс сварливый голос внутри его головы.

— Да, благороднейший из хозяев, — прошептал Ларк.

Следуя командам, он продвигался по длинному пустому проходу в сторону чудовищного строения, которое возвышалось в центре лагеря гномов. Ларк вздрогнул, размышляя о том, способен ли Танкуоль читать его мысли. Естественно, Ларк надеялся, что не способен, учитывая то, над чем он раздумывал.

Лапой он лениво поглаживал амулет, и ненадолго задумался, что произойдёт, если он вырвет его из своего тела и выбросит. Он был уверен, что нечто отвратительное. С серого провидца станется наложить на это устройство какое-нибудь замысловатое проклятие. Он не сомневался, что извлечение амулета из черепа, вероятнее всего убьёт его, либо, самое малое, вызовет сильную боль, а Ларк был не менее чувствителен к боли, чем большинство скавенов.

Снова Ларк вздрогнул, надеясь, что та мысль не дойдёт до Танкуоля по каналу связи. Он полагал, что не дойдёт — посылать можно было, лишь дотрагиваясь до кристалла и концентрируясь. Ларк полагал, что излучение его мыслей в эфир требует больших усилий. Уверенности у него не было, попробовать он не пытался, и в этот момент просто надеялся, что так и есть.

— Остановись! — пришёл властный приказ.

Ларк выполнил его сразу, автоматически и инстинктивно. Через минуту после этого он услышал впереди звук шагов обутой в сапоги гномов. Минуту спустя мимо входа на улицу проследовал маленький отряд. Ларк инстинктивно содрогнулся, увидев, что они волокут на сожжение трупы скавенов. Его усы подёргивались. Ранее он уже распознал мерзкий запах сжигаемой плоти скавенов.

— А сейчас — быстро беги через улицу. Спешит-торопись, пока путь свободен.

Собравшись духом, он выскользнул вперёд, на широкое открытое пространство между зданиями, по ходу отважившись бросить быстрые взгляды направо и налево, и увидел, что путь за спинами ушедших гномов действительно безопасен. Он вынужден был признать, что, как бы то ни было, Танкуоль — могущественный волшебник. Он не догадывался, каким образом серый провидец мог столь хорошо направлять его, но тот до сих пор не ошибся.

Ларк торопливо перебежал и укрылся в противоположном проходе. Огромное строение гномов теперь находилось прямо перед ним. Металлическая крыша блестела в лунном свете. Он заметил огромные и мощные паровые двигатели, присоединённые к стене. Проснулось его скавенское любопытство. Он гадал, что же может храниться в столь огромном сооружении.

— Быстро-быстро, следуй направо, пока не найдёшь вход, или скоро умрёшь.

Ларк поспешно подчинился. Он проскользнул через входную арку и замер, уставившись вверх широко раскрытыми от изумления глазами. С его губ сорвался возглас неприкрытого удивления и непонимания.

Феликс брёл через пылающую ночь рядом с Вареком. «Всё не столь плохо, как казалось на вид», — говорил он себе, вопреки всему надеясь, что это правда. Было заметно, что обе стороны понесли значительные потери. В бою пало много гномов и, похоже, все без исключения прихватили с собой, по меньшей мере, по паре скавенов. Вонь сжигаемых тел крысолюдей была почти невыносима. Для защиты от вонючки Феликс обернул плащом нижнюю часть лица. Похоже, что никого больше запах не беспокоил.

Очевидно, огромный комплекс получил множество повреждений. Феликс прикидывал, достаточно ли их для того, чтобы воспрепятствовать работе гномов, каким-бы проектом они не занимались, но решил, что не рискнёт сделать ставку. У него попросту нет достаточных знаний о том, что тут происходит.

— Чему всё это служит? — внезапно спросил он Варека.

Молодой гном перестал протирать свои сломанные очки краем рубахи и посмотрел на него. Он подышал на линзы, словно желая потянуть время и собраться с мыслями, а затем начал протирать снова, не замечая, как выпадают осколки стекла.

— Чему служит конкретно что?

— Все эти механизмы, — произнёс Феликс.

— Ммм..., видимо, мне следует оставить эти объяснения моему дяде. Он тут главный.

— Весьма осмотрительно. Где я могу найти твоего дядю?

— В замке, вместе с остальными.

Прежде чем он смог задать другой вопрос, низко над головой со свистом пронёсся гирокоптер. На посадочной опоре стоял коренастый бритоголовый гном. Он держал чудовищный многоствольный мушкет. Что-то в его позе насторожило Феликса. Гном повернул рукоять на боку мушкета, и град пуль взбил землю у ног Феликса. Феликс толкнул Варека в сторону, а сам упал ничком и перевернулся, чтобы проследить за гирокоптером, недоумевая, что за безумие овладело ненормальным гномом. Ну не мог же он спутать Феликса со скавеном? Затем позади Феликса послышался хор криков боли.

И лишь повернув голову, Феликс заметил группу скавенов, которая бесшумно следовала позади него с обнажёнными клинками. Феликс опознал в них диверсантов{15} — ужасных скавенов-убийц, с которыми он сражался в Нульне, в таверне „Слепая Свинья“. Гном с гирокоптера сразил их своим странным оружием. Весьма вероятно, он спас им жизнь, несмотря на то, что из-за недостатка точности едва не убил обоих.

Гирокоптер понёсся обратно и, вращаясь, спускался на не особо идеальное для приземления место. Держащая мушкет фигура спрыгнула с его борта и, низко пригнувшись, чтобы быстровращающиеся лопасти не сняли голову с плеч, поспешно отбежала от летающей машины. Нисходящий поток воздуха от машины сплющил здоровенный хохол рыжих окрашенных волос, поднимающийся над его головой.

На сильном ветру захлопал плащ Феликса, а от поднятой машиной пыли на глаза навернулись

слёзы. Варек был вынужден зажмурить глаза за линзами своих сломанных очков. Гном прикрыл рот книгой, чтобы не надыхаться пыли. Станный химический запах, испускаемый летательным аппаратом, достиг ноздрей Феликса даже через шерсть плаща.

Новоприбывший был невысок и невероятно широк. Обнаженная грудь демонстрировала впечатляющую мускулатуру. Его плечи петлей охватывали два одинаковых патронташа с боеприпасами. Красная повязка опоясывала лоб. Ремень с пряжкой в виде необычного серебряного черепа удерживал его зелёные штаны. Белая борода была коротко подстрижена чуть не до челюсти. На его правом плече был вытатуирован двуглавый орёл Империи.

Глаза гнома закрывали необычно толстые оптические линзы. Феликс заметил, что на них выгравировано что-то вроде перекрестий. По внешнему облику Феликс решил, что перед ним ещё один Истребитель Троллей. Незнакомец неуклюже приблизился к нему, оглядел с ног до головы, а потом сплюнул на тело одного из скавенов.

— Мерзкие, злобные мелкие создания, скавены! — произнёс он вместо приветствия. — Воны мени никола не нравылысь. Никола не нравылысь и их механизмы.

Он повернулся к Феликсу и сделал официальный гномий поклон.

— Малакай Макайссон, к вашим и вашего клана услугам.

Феликс ответил ему поклоном имперского придворного. Он воспользовался этим движением, чтобы скрыть выражение удивления на лице. Значит, это и есть тот безумный инженер, о котором рассказывали Готрек и Варек? Безумцем тот не выглядел.

— Феликс Ягер, к вашим услугам.

Гном снова повернул рукоять на мушкете. Стволы провернулись. В тела скавенов полетели пули. Струйки чёрной крови выступили на пробитых шкурах и телах.

— Излишняя осторожность с цими тварями не помишае. Прожжённые хитрюги, известное дело.

— Он говорит, что они очень коварны, — перевёл Варек.

— А, да ну тебе! Мне кажется, господин Ягер прекрасно меня понял, — шо не так, господин Ягер?

— Полагаю, я понял, — уклончиво ответил Феликс.

— Ладно, тоди двинули. Лучше подняться в замок. Старый Борек захочет побалакаты с тобой и остальными. Я думаю, тоби тоже хочется узнать, шо тут происходить.

— Было бы замечательно, — произнёс Феликс.

— Добре. Просто жды, пока воны не опустят мост, — если токо не хочешь летить со мной. Я думаю, коптер сможет поднять дополнительного пассажира.

У Феликса заняло несколько мгновений осознать, что безумец предлагает ему прокатиться на посадочной опоре. Он постарался изобразить на лице приятную улыбку, когда произнёс:

— Я думаю, что просто подожду пока откроют ворота, если вы не против.

— Як скажешь. Тоди до встречи.

Макайссон вскарабкался обратно на посадочную опору гирокоптера и что-то проорал пилоту в шлеме и защитных очках. Двигатель заревел, и машина устремилась в небо, оставив Феликса в недоумении, — а произошла ли эта встреча на самом деле.

— Все ваши инженеры разговаривают подобным образом? — спросил Феликс у Варека.

Молодой гном покачал головой.

— Клан Макайссона происходит из долины Дымчатых Сумерек, что высоко на севере. Это изолированное место. Их манеру выражаться странной находят даже остальные гномы.

Феликс пожал плечами. Он услышал скрип огромных цепей, когда подъёмный мост в замок начал опускаться. Внезапно чётко осознав, насколько же он устал, он быстро зашагал в сторону ворот, надеясь найти место, где можно расположиться на ночлег.

Феликс проснулся от безумного жестокого кошмара, в котором огромный крысоогр преследовал его по горящему городу, в то время как гигантская фигура громадного скавена со светлым мехом злобно наблюдала с небес. Иногда город был гномьим поселением у Одинокой Башни, иногда он бежал по мощёным улицам Нульна, иногда это был его родной город Альтдорф — столица Империи. Это был один из тех снов, в которых клинки твоих врагов ярки и ужасно остры, а твой собственный попросту отскакивает от незащищённых доспехами тел. Он бежал и бежал, а паршивые блохастые скавены замедляли его, хватая за руки-ноги, в то время, как его чудовищный преследователь подбирался ещё ближе.

Феликс резко открыл глаза и обнаружил, что смотрит в потолок незнакомого помещения. Пробуждение всегда дезориентировало его, даже после многих лет странствий.

Феликс обнаружил, что лежит на кровати, предназначенной для значительно более короткой и широкой персоны, и его ноги высывались за её край, несмотря на то, что лежал он по диагонали. Он вспотел под тяжёлыми одеялами, опутывающими его конечности, и начал догадываться, откуда могло в его сне появиться ощущение того, что его хватают и замедляют. У него остались смутные воспоминания о том, как он днём ранее вошёл в замок, ему представили различных гномов и показали его покои. Он помнил, как повалился на кровать, а после этого — ничего, кроме своих быстро развеивающихся кошмаров.

Он даже не снял свою одежду. Пятна крови и грязи испачкали простыни. Феликс присел и устало покачал головой, ощутив боль в мышцах, что осталась ему от участия в сражении прошлой ночью. Феликс всё же испытывал чувство радости. Он остался в живых — и это главное. Ни на что не похожее чувство, — понимать, что оказался в бою одним из везунчиков. Он поднялся с кровати и выпрямился, почти ожидая, что придётся нагнуть голову, а потому был более чем удивлён, обнаружив, что замок выстроен по человеческим меркам.

Феликс подошёл к узкому окну в виде бойницы для стрельбы и бросил взгляд на долину. Снизу поднимались облака дыма, а вместе с ними вонь сжигаемых тел скавенов. Он призадумался, сколько из этих закрывающих вид дымов исходит от машин, а сколько от погребальных костров, но затем решил, что ему всё равно.

Внезапно он почувствовал сильный голод. В дверь постучали, и он понял, что звуки его пробуждения не остались незамеченными.

— Войдите, — прокричал он.

Вошёл Варек.

— Рад видеть, что ты встал. Тебя желает видеть дядя Борек. Ты приглашён на завтрак в его кабинете. Проголодался?

— Лошадь бы съел.

— Не думаю, что дойдёт до этого, — сказал Варек.

Феликс засмеялся, а затем по выражению лица гнома понял, что Варек не шутил.

Это была уютная комната, напомнившая Феликсу кабинет отца. Вдоль трёх стен располагались книги с гномьими рунами и надписями на рейкшпиле{16} на тиснёных корешках. Некоторые шкафы заполняли подставки для свитков. Всю четвертую стену занимала огромная карта северной части Старого Света, покрытая булавками и маленькими флажками. В самой северной части мира были нанесены обозначения поселений, гор и рек в той области, которую Феликс никогда не видел ни на одной из карт людей, — в той области, которая, как он понял, была давно поглощена Пустошами Хаоса. Массивный стол в центре кабинета был завален кучей писем, свитков, карт и пресс-папье.

За столом сидел самый старый гном из тех, кого когда-либо видел Феликс. Его огромная длинная борода была раздвояна и опускалась почти до пола, прежде чем петлёй подняться к его ремню. Макушка его головы была лишена волос. Локонь снежно белых волос обрамляли лицо, жёсткую кожу которого прорезывали глубокие старческие морщины. Глаза, смотревшие из-за толстых очков в виде пенсне, блестели, как у юнца, и Феликс тут же разглядел семейное сходство с Вареком.

— Борек Вилобородый из рода Гримнара, к вашим и вашего клана услугам, — произнёс гном, поднимаясь из-за стола.

Феликс увидел, что тот согнут, почти как горбун, а ходит лишь при помощи крепкого, подкованного железом посоха.

— Простите, что не кланяюсь. Я не столь гибок, как когда-то.

Феликс поклонился и представился.

— Я должен поблагодарить вас за помощь в сражении прошлой ночью, — произнёс Борек, — и за спасение моего племянника.

Феликс собирался сказать, что он сражался всего лишь для спасения собственной жизни, но почему-то это не показалось очень подходящим к ситуации.

— Я делал то, что при подобных обстоятельствах сделал бы любой человек, — заставил он себя произнести.

Борек рассмеялся.

— Я так не думаю, мой юный друг. Немногие из народа Сигмара в наши дни помнят о старых узах и долгах. И немногие действительно способны сражаться, подобно тебе, как в это верит мой племянник.

— Возможно, он излишне преувеличивает.

— Заявляя нечто подобное, вы предъявляете серьёзное обвинение. Немногие из гномов говорят

что-либо, кроме правды, господин Ягер.

— Я... я не это имел в виду..., — заикаясь, произнёс Феликс, затем по взгляду глаз старого гнома обнаружил, что тот поддразнивает его. — Я просто подразумевал, что...

— Не беспокойтесь. Я не стану упоминать об этом при моём племяннике. А сейчас, должно быть, вы голодны. Почему-бы вам не присоединиться к остальным за трапезой? Потом нам предстоит обсудить серьёзные вопросы. Несомненно, весьма серьёзные вопросы.

Завтрак был сервирован на столе в примыкающей комнате. Огромные окорока лежали на чеканных стальных тарелках. Чудовищные головки сыра смотрелись, словно памятники обжорству. Массивные тёмные листья гнома подорожника сформировали горные цепи посреди скатерти. В воздухе пахло пивом из уже откупоренных бочек. Феликс не был удивлён, увидев Готрека и Снорри, которые сидели на корточках у огромного камина. Истребители поглощали эль и запихивали еду в свои рты так, словно только что узнали о наступлении голодных времён.

Варек наблюдал за ними, словно ожидая, что в любой момент Истребители могли показать новые примеры отваги. Его книга в кожаном переплёте лежала тут же, под рукой, на случай если понадобится что-то записать. На нём были новые очки в стиле, как теперь определил Феликс, скопированном у его дяди.

Находился здесь и другой, незнакомый Феликсу гном, который не стал немедленно подходить и представляться принятым у гномов способом. Он подозрительно уставился на Феликса, словно ожидая от него кражи столовых приборов. Игнорируя его взгляд, Феликс прошёл к столу и принялся за еду. Она была лучшей из всего, что ему доводилось пробовать, и он не терял времени попусту.

— Феликс, лучше залей это небольшим количеством эля, — посоветовал Снорри. — На вкус станет ещё лучше.

— Несколько рановато начинать утро с выпивки, — сказал Феликс.

— Сейчас за полдень, — вставил Готрек.

— Ты две ночи проспал, — добавил Снорри.

— Упущенная минута, что потраченный медяк, — проворчал гном, которого Феликс не знал.

Феликс повернулся поприветствовать его. Он заметил, что гном короче большинства своих соплеменников, но шире. У него была длинная и чёрная борода, волосы были коротко подстрижены и разделены посередине пробором. Взгляд глаз был острым и пронзительным. Строгая чёрная рубаха и штаны выглядели старыми и поношенными, хотя были явно отлично скроены. Его высокие сапоги были старыми, но хорошо начищенными. Металлические пластины защищали каблуки от снашивания и повреждения. Гном был дородным, и его мясистое лицо напомнило Феликсу его отца и прочих богатых купцов, которых он знал. То было следствием обильных трапез в превосходно обставленных залах гильдии, где решались серьёзные торговые дела. Руки гнома были заткнуты за пояс, словно тот постоянно проверял, на месте ли его весьма немаленький кошель.

Феликс поклонился ему.

— Феликс Ягер, к вашим и вашего клана услугам, — произнёс он.

— Ольгер Ольгерссон, к вашим, — сказал гном, прежде чем вернуть поклон. — Имеете ли вы хоть какое-либо отношение к Ягерам из Альтдорфа, молодой человек?

На мгновение Феликс почувствовал смущение. Всё-таки в семье он считался паршивой овцой, и покинул отчий дом в сложных обстоятельствах, после убийства человека на дуэли. Он заставил себя невозмутимо встретить взгляд Ольгерссона и произнести:

— Мой отец — владелец торгового дома.

— В прошлом я имел с ними неплохие дела. Ваш отец — хороший глава компании. Для человека.

Некоторая презрительность в тоне гнома разозлила Феликса, но он сохранил спокойствие, напомнив себе о том, что тут он чужак. Попросту не следует возмущаться в замке, полном раздражительных гномов, которые могут приходиться родственниками этому незнакомцу.

— Стало быть, так и есть, если он смог заработать хоть какие-то деньги, имея дело с тобой, Ольгер Златохват, — неожиданно высказался Готрек.

— Ольгер — известный скряга, — весело произнёс Снорри. — Снорри знает, что когда Ольгер достаёт монету из своего кошелька, на той моргает голова короля.

Оба Истребителя громко расхохотались над этой древней шуткой. Феликс прикидывал, сколько они уже выпили. Лицо Ольгерссона покраснело. Он выглядел так, словно хотел оскорбиться, но не осмеливался.

Ни Готрека, ни Снорри не беспокоило его богатство, влияние или родственники.

— Никто и никогда не стал богаче, растрачивая деньги, — раздражённо произнёс гном, повернулся и прошествовал в другую комнату.

— Вам следует быть любезнее с господином Ольгерссоном, — сказал Варек. — Он тот, кто финансирует эту экспедицию.

От изумления Готрек прыснул полным пива ртом. Он повернул голову к молодому грамотею, разглядывая так, словно тот только что заявил, что золото растёт на деревьях.

— Величайший скупердый гномьего царства сам отдал вам золото? Расскажи-ка об этом поподробнее!

— Через несколько минут расскажет мой дядя.

Феликс ощутил смешанное чувство беспокойства и любопытства, когда они по очереди прошли в кабинет Борека Вилобородого. Ему было любопытно услышать, что привело сюда, в эту глухомань, всех этих, столь несхожих гномов. Его беспокоила перспектива того, куда это дело могло завести. Глядя из окна на столь мощные промышленные сооружения; вспоминая, с какой свирепостью скавены пытались ими овладеть; оценивая, сколь огромное количество сил и средств было вложено в это место, — Феликсу сложно было представить, чтобы гномы не воспринимали их таинственное предназначение со всей серьёзностью. Зато представить, как Готрек и он сам могут быть в это втянуты, было весьма легко.

Борек смотрел на него с огоньком в глазах. Ольгер стоял в дальнем углу, вращая руками глобус, демонстративно повернувшись спиной к собравшимся. Пожилой учёный усмехнулся в

его сторону, а затем пригласил всех занять места. Так как кресла гномов располагались слишком низко для Феликса, он остался стоять.

Пока Борек сверялся с какими-то бумагами на своём столе и делал руническим письмом пометки с помощью пера, стояла тишина. Затем он, в точности, как поступали лекторы в Университете Альтдорфа, прокашлялся, прочищая горло, и заговорил:

— Я отправляюсь на поиски затерянной крепости Караг-Дум, — произнёс он без вступления.

Когда он посмотрел на Готрека, в его взгляде был вызов.

— Тебе не удастся, — сурово сказал Готрек с оттенком раздражения в голосе. — Мы пытались годы назад. Мы потерпели неудачу. Пустоши непроходимы. Ничто не может выжить там, сохранив рассудок и не изменившись. Тебе это столь же хорошо известно, как мне.

— Я верю, что мы нашли способ.

Готрек фыркнул, затем недоверчиво покачал головой.

— Способа не существует. Мы пытались пробиться силой, организовав для этой цели военную экспедицию, хорошо экипированную и вооружённую лучше, чем когда-либо. Ты знаешь, сколько из нас выжило. Ты, я, Снорри и, может быть, горстка остальных. Большинство сейчас мертво или обезумело. Говорю тебе — это сделать невозможно. И тебе известно, сколь многие погибли в экспедициях до нашей.

— Ты не всегда думал так, Готрек, сын Гурни.

— В то время я ещё не видел Пустоши Хаоса.

— Значит, ты даже не выслушаешь моё предложение?

— Нет, нет. Я послушаю, старик. Продолжай, поведай мне, что за безумный план у тебя в голове. Возможно, я смогу от души посмеяться.

Поразительная тишина воцарилась в комнате. В конце концов, Борек продолжил:

— Караг-Дум — один из величайших городов нашей расы, мощнейшая крепость во всех северных землях. Он был потерян более двух столетий назад, во время последнего великого нашествия Хаоса, как раз перед правлением того, кого вы называете Магнусом Благочестивым. На странице 3542 тома 469 великой Книги Обид вы можете найти запись о долге крови подлым последователям Тёмных Сил. В дополнительных приложениях содержатся записи об именах всех павших и обо всех истреблённых кланах. Последнее сообщение, что мы имеем — о том, что Тангрим Огнебородый руководил своим отважным войском при обороне обречённой цитадели от мощной армии, пришедшей с севера при расширении Пустошей Хаоса. С тех пор нет никаких известий из Караг-Дума, и ни один гном из наших земель не смог туда добраться.

— Почему? — спросил Феликс.

— Потому что Пустоши Хаоса расширились и поглотили все земли между Караг-Думом и перевалом Чёрной Крови.

— Тогда откуда ты знаешь, где искать её?

— Я был тем, кто доставил последнее сообщение из Караг-Дума, — сказал Борек, в печали

склонив голову. — Это был мой родной город, господин Ягер. Я из рода самого короля Тангрима. В течение последних ужасных дней наши враги призвали могучего демона, и мы отчаянно нуждались в помощи. Среди многих мы выискивали тех, кто сможет донести весть о нашей нужде до наших братьев. Были выбраны мой брат и я. По секретным проходам, известным лишь нескольким, мы покинули цитадель. Лишь я и мой брат Вариг, отец Варека, смогли пройти сквозь Пустоши. Это был трудный путь, не из тех, что я желал бы сейчас вспоминать. Достигнув юга, мы обнаружили, что тут тоже свирепствует война, и помощи нам не получить. А затем обнаружили, что нет и пути назад.

«Возможно ли, что этот гном настолько стар?» — думал Феликс. Несомненно, тот выглядел древним, и Феликсу было известно, что гномы живут дольше людей. Но даже если так, мысль о том, что этот гном старше его в десять раз, а то и больше, потрясла Феликса. Затем ему пришла в голову другая мысль.

— Если Пустоши столь смертоносны, почему, пройдя через них, тебе не удалось вернуться обратно? — спросил Феликс.

— Я вижу, ты сторонник скептицизма, господин Ягер. Мне следует убедить тебя. Ладно, позволь мне лишь добавить, что в дни нашего побега Пустоши лишь немного расширились, а влияние Хаоса было не столь велико. К тому времени, как мы попытались вернуться, ужасная мощь Хаоса возросла многократно, и земли стали непроходимы. Теперь, с твоего разрешения, я продолжу...

Феликс понял, что перебив старого гнома, он вынудил того повторять то, что остальным присутствующим было уже известно. Внезапно он почувствовал себя неловко.

— Разумеется. Извините меня, — произнёс он.

— Расскажи нам о сокровищах, что были утеряны, — вмешался Ольгерссон.

Борек не выглядел довольным повторным прерыванием. Он бросил быстрый взгляд на купца. Феликс уловил блеск, который появился в глазах скряги. Это было нечто сродни помешательству, и Феликс достаточно хорошо узнал гномов, чтобы распознать золотую лихорадку. Внезапно для него перестало быть загадкой, почему Ольгер вложил деньги в финансирование этих поисков. Того сжигала почти безумная алчность к золоту, которая иногда овладевала даже самыми рассудительными из гномов.

— Да, огромные запасы Караг-Дума пропали с падением города, и все сокровища были утеряны. А из всех утерянных сокровищ самым драгоценным был Молот Судьбы, могучее оружие самого короля Тангрима, и Топор Рунных Мастеров.

В этот момент Борек повернулся и посмотрел на Феликса.

— Знай, Феликс Ягер, что мы говорим о таких вещах, которые могут обсуждаться лишь с гномом или Другом Гномов. Готрек, сын Гурни, поручился за тебя, но теперь мне нужно твоё слово, что ничто из обсуждаемого здесь ты не станешь рассказывать никому, кроме чистокровного гнома или другого Друга Гномов. Если ты полагаешь для себя невозможным дать такое обещание, мы поймём, но будем вынуждены просить тебя покинуть это собрание.

Внезапно, словно озарённый воссиявшим над ним светом, Феликс ощутил, что достиг границы, переход через которую основательно изменит его жизнь. Он сознавал, что если согласится остаться, то будет некоторым образом связан неявным обязательством участвовать в любом безумном плане, который предпримут те гномы. В то же самое время он признавал

притягательность обсуждаемого — этой истории про потерянные города, древние сражения, старые счёты и огромные богатства. Он, несомненно, был заинтригован, а в том, чтобы просто послушать, не было никакого вреда.

— Я даю тебе слово, — вымолвил он едва ли не раньше, чем решил высказаться.

— Очень хорошо. Тогда я продолжу.

Феликс почему-то ожидал чего-то большего. Он ожидал, что его попросят произнести клятву, а может, скрепить обещание кровью, как сделал Готрек во время той грандиозной попойки. Его слово попросту приняли на веру, — и Феликсу казался слишком легкомысленным такой подход к тем, кого посвящали в утраченные тайны Старшей Расы. Должно быть, изумление отразилось на его лице, и Борек улыбнулся.

— Нам достаточно данного тобой слова, Феликс Ягер. Среди моего народа слово воина — свято; оно крепче камня, долговечнее гор. Мы не просим ничего более. Если ты не собираешься его сдерживать, что изменят письменные договоры, принесённые перед алтарями клятвы и тому подобное?

Феликс решил, что несогласие лишь неблагоприятно отразится на нём, а потому сохранял молчание, пока старый учёный продолжал говорить.

— Да, Молот Судьбы и Топор Рунных Мастеров — возможно самые могущественные из артефактов, завещанных нам Богами-Предками — были утеряны, а вместе с ними и большая часть нашего наследия и древнего могущества. Когда пал Караг-Дум, мы посчитали их потерянными навсегда. Подобно морю разложения, унылые Пустоши Хаоса нахлынули на наши древние земли, погребая древние вершины, а мы стонали и скрежетали зубами, потеряв силу духа, и смирились со своей утратой. Мы считали их утраченными навечно, и так было два столетия.

— И они остаются утраченными, — неумолимо произнёс Готрек. — И останутся таковыми всегда. Повторяю — через Пустоши нет пути.

— Возможно. А возможно и нет. Готрек, после провала нашей последней попытки я возобновил свои поиски в библиотеках и залах знаний. В главном зале знаний Караз-а-Карака я осматривал старейшие галереи, доставая с полок покрытые пылью тома, которые тысячелетие лежали там, разрушаясь. Я записал каждое слово из рассказов тех, кто утверждал, что посещал Пустоши и выжил. Я получил доступ в запретные склепы Храма Сигмара в Альтдорфе. В их записях, столетия составляемых из признаний подвергаемых пыткам еретиков, я нашёл упоминания о рунах, заклинаниях и талисманах, которые могут защитить от влияния Хаоса. На этот раз я решил добиться успеха. И я верю, что нашёл того, кто сделает это возможным.

— И кто же это? — насмешливые нотки в голосе Истребителя как-то поутихли.

— Парень, с которым ты встретишься довольно скоро, Готрек. Он убедил меня в том, что его чары действуют. Даю тебе честное слово, я верю тому, что они нас защитят.

— Как долго ты можешь защищать от безумия и мутаций тех, кто отправится в Пустоши Хаоса?

— Возможно, недели. Несомненно, дни.

— Недостаточно долго. Переход через бесплодные земли до Караг-Дума может занять месяцы.

— Да, Готрек, — пешком или в бронированных повозках, которые мы пробовали использовать в последний раз. Но есть другой способ. Способ Макайссона.

— На воздушном судне?

— Да, на воздушном судне.

— Да ты спятил!

— Нет, никоим образом. Послушай. Я долго изучал феномен Пустошей Хаоса. Теперь мне известно гораздо больше, чем нам тогда. Большинство мутаций вызывается пылью искривляющего камня, заражающей пищу и воду, или вдыхаемой незащищёнными лёгкими. Вот что сводит с ума разумных существ и коверкает их тела и облик.

— Да, а ещё она присутствует в самой почве Пустошей и облаках, что с неё поднимаются. Она содержится в пыли песчаных бурь и в колодцах.

— Но что, если мы взлетим выше облаков?

Готрек помедлил с минуту и, видимо, обдумал это.

— Тебе придётся опускаться, чтобы уточнить курс, свериться с ориентирами на местности.

— Воздушный корабль будет закрыт экранами из мелкочаеистой сетки. В нём будут иллюминаторы и фильтры такого типа, что ты видел на подводных судах нашего флота.

— Воздушному кораблю, возможно, придётся опускаться из-за бурь, ветров или механических повреждений.

— Амулеты защитят экипаж, пока ремонт не будет выполнен или буря не утихнет.

— А если отремонтировать будет невозможно?

— Это, разумеется, риск, но в пределах допустимого. По крайней мере, амулеты позволят выжившим попытаться маршем пройти домой.

— Ни один воздушный корабль не сможет взять на борт достаточное количество угля для двигателей, чтобы путешествовать без остановки.

— Макайссон разработал новый двигатель. Вместо угля тот использует чёрную воду. Его мощность способна двигать воздушный корабль, а горючее достаточно легковесно для совершения путешествия.

Казалось, Истребитель находил новые возражения столь же быстро, как отметались прежние. Он неистово искал брешь в аргументах учёного.

— Как быть с пищей и водой?

— Воздушный корабль может нести на себе и то, и другое, на всё путешествие.

— Достаточно большой для этого воздушный корабль построить невозможно.

— Наоборот, мы уже сделали это. Именно его мы строили здесь.

— Он никогда не взлетит.

— Мы уже делали пробные полёты.

Готрек выложил свой козырь:

— Макайссон его создатель. Корабль обречён разбиться.

— Может так. А может, нет. Но мы всё равно собираемся попробовать. Ты пойдёшь с нами, Готрек, сын Гурни?

— Чтобы остановить, тебе придётся убить меня!

— Это как раз то, что я надеялся услышать.

— Воздушный корабль — это его искали скавены?

— Скорее всего.

— Тогда тебе следует выдвигаться быстрее, пока они не собрали другую армию.

Феликс помедлил мгновение, его голову вскружили услышанные известия. Похоже, Готрек со всей серьёзностью воспринял весь этот безумный разговор о полёте в Пустоши Хаоса на неопробованной и крайне опасной машине, созданной известным безумцем. И Феликс не сомневался — Истребитель ожидает, что Феликс к нему присоединится.

Ещё существовала высокая вероятность, что в конце пути их ожидает огромный злобный демон.

Что ещё хуже, похоже, что скавены прознали об этой новой машине, и ни перед чем не остановятся, чтобы заполучить её. Каким адским колдовством они воспользовались для обнаружения чего-то столь недавно созданного и хорошо замаскированного? Или в этом месте даже среди гномов у них есть тайные агенты? Подобное свидетельство предвидения и организационных способностей скавенов ощутило повысило уважение Феликса к дьявольскому интеллекту и обширности сферы влияния крысолюдей.

Услышав приближающихся гномов, Ларк быстро отбежал в укрытие. Большая часть ночи у него ушла на прогрызание себе прохода в задней стенке заполненного ящика, и он едва успел, наконец-то, пробиться. Ларк забился в содержимое ящика прямо перед тем, как тот был подхвачен одной из странных подъёмных машин с паровыми двигателями. Похоже, его везли по какому-то пандусу.

Мысли Ларка всё еще путались от увиденного прошлой ночью. Внутри огромного ангара, в воздухе, без признаков каких-либо поддерживающих балок, парила массивная блестящая штука, похожая на громадную акулу. Штука подсакивала вверх-вниз, как разозлённый зверь. Сходство усиливалось тем, что гномы посчитали необходимым привязать её стальными тросами. Вид чудища вызвал у Ларка испускание мускуса страха, но по этому поводу он не испытывал ни малейшего стыда. Он не сомневался, что в подобных обстоятельствах то же самое произошло бы с любым другим скавеном, даже с великим серым провидцем Танкуолем.

Наблюдение заняло у него долгие минуты, в течение которых он опасался, что его колотящееся сердце вырвется из груди, прежде чем он обнаружил, что, в действительности, это не живое существо, а машина. Нечто весьма напоминающее изумление заполнило его

мысли, когда он прикинул размер этого объекта. Тот был длиной в несколько сотен скавенских хвостов, более массивным и куда как более впечатляющим, чем любой другой механизм, который Ларк видел в Скавенблайте или в этом поселении гномов.

Ларк был изумлён волшебством, которое могло удерживать в воздухе штуковину, выглядящую столь внушительно. Призвав в помощь свой боевой опыт, скавен мысленно перебрал возможные области применения. С такой машиной армия скавенов может пролетать над городами людей, сбрасывая сферы „ядовитого ветра“, мешки с заражёнными чумой вещами и всевозможное другое оружие, даже не подвергаясь нападению от находящихся внизу защитников. Становится реальностью мечта каждого скавена-военачальника — способ нападения, от которого нет верной защиты! Очевидно, столь большой бронированный воздушный корабль должен защитить от чего угодно, вплоть до нападения драконов. И даже в таком случае воздушный корабль обеспечит неплохие шансы на выживание, принимая во внимание его размер и вон те орудийные башни — а это, несомненно, они — что встроены в его корпус. В лапах любого скавена, достаточно разумного, чтобы понять открывающиеся возможности, воздушный корабль окажется потрясающим оружием.

В этот момент, по его предположению, к такому же умозаключению пришёл серый провидец Танкуоль, чьё мощное чириканье раздалось в голове Ларка: «Да-да, эта летающая машина должна стать моей! Моей!»

Возможно, как обнаружил Ларк, у него вскоре появится шанс захватить её, потому как ящик, в котором он спрятался, наверняка будет поднят внутрь могучего воздушного судна.

<http://tl.rulate.ru/book/2507/47190>